

ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР ПРЕДГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ ИРЛАНДИИ И АРАВИИ В СВЕТЕ КОМПАРАТИВИСТСКОГО АНАЛИЗА

В статье анализируется историографическая традиция исследования предгосударственных социально-политических структур Ирландии и Аравии. Хронологические рамки анализируемых работ ограничены второй половиной XX века. Методологические и исторические взгляды ученых, рассматривающих проблематику предгосударственных социально-политических структур, сравниваются с целью поиска диалога между ними и возможного взаимодополнения. Историография Ирландии и Аравии рассматривается как историография типологически чистых предгосударственных образований, что позволяет достигнуть уровня теоретического обобщения. В итоге обнаруживается множество параллелей в трактовках исследователями социально-политических структур Ирландии и Аравии. Некоторые из них применимы на ином материале, нежели тот, на котором они основывались изначально. Этот диалог в целом создает методологический базис для исследования предгосударственных образований в различных регионах.

В начале следует констатировать две основные методологические тенденции в рассмотрении проблемы предгосударственных социально-политических структур. Условно их можно обозначить как «культурную антропологию» и «социально-экономический подход». Если первая отдает предпочтение в трактовке феноменов средневековой власти ментальным аспектам, то второй «склоняется» к сугубо рационалистической детерминации на основе экономических или политических обстоятельств по принципу «базис–надстройка».

Необходимо обозначить точки зрения этих подходов на социально-политические структуры Ирландии и Аравии. В центре внимания стоит вопрос, насколько общества этих регионов продвинулись на пути к социальному расслоению и государству. Чтобы рассматривать социально-политические структуры Ирландии и Аравии, необходимо обратить внимание на их происхождение.

С точки зрения социально-экономического подхода ирландское общество в раннем средневековье находилось на поздней стадии первобытно-общинного строя. Оно дифференцировано, включая три социальных страта – королей, знать и свободных общинников [1. С. 49–50]. Предпосылки формирования классовой феодальной системы отсутствуют в силу доминирования среди зависимых слоев населения свободных общинников. Отсутствуют и другие признаки государства, такие как юридическая или административная системы [1. С. 52]. Однако ирландское общество нельзя определить как военную демократию Ф. Энгельса.

В рамках культурно-антропологического подхода А. и Б. Рис проводят параллели между кельтской и индийской традициями в контексте общего индоевропейского наследия. Наиболее зримой аналогией А. и Б. Рис полагают соотношение кастового социального деления со сторонами света, существовавшее и в Ирландии, и в Индии. Соответственно выделяются социальные страты ирландского общества – воины, земледельцы, слуги-рабы, жрецы и короли, аналогичные индийским кастам [2. С. 148–149]. Однако вряд ли можно считать бесспорным тезис о существовании столь сложной социальной стратификации в преимущественно родовом обществе. Ирландское общество V–VII вв. не достигло уровня разделения труда, характерного для каст.

Основной социально-политической ячейкой ирландского общества являлся туат, сущность которого не исчерпывается определением «племени» или «община», хотя неко-

торые исследователи рассматривают его именно в этом смысле [3. С. 55]. Г. Мак-Ниокайлл полагает, что туат как таковой не был привязан ни к конкретной территории, ни к людям. По его выражению, это просто достаточно большая группа людей, управляемая королем: если она сама себя осознавала как туат и таковым считали ее и соседи, она и была туатом [4. С. 28]. С.В. Шкунаев же предполагает, что изначально туат являлся родовой и военной единицей подобно древнеримскому легиону, а с пятого века был отождествлен с соответствующей территорией [5. С. 24–27]. Оба исследователя опираются на перечисления войск туатов в ирландских легендах. Для Г. Мак-Ниокайлла ведущим признаком туата является имя его короля, которым, как правило, сопровождается это перечисление. В этом смысле где был наследственный король, там был и его туат. С.В. Шкунаев полагает главным тот факт, что туат упоминается в виде войска, военной единицы, возглавленной неким аристократическим родом, и входящей в состав более крупного войска. В ходе завоевания ирландцами острова эти единицы постепенно получали свои участки земли, к пятому же веку этот процесс завершился.

Король туата представлял низший уровень политической пирамиды ирландского общества; он подчинялся верховному королю, который, в свою очередь, подчинялся королю провинции-пятины. Г. Мак-Ниокайлл в этой связи отмечает, что отношения соподчинения касались только персонально королей, но не их подданных [4. С. 29–30]. Верховный король правил своим личным туатом, подчинение же королей провинций было сродни клиентеле, как полагает Ф.Дж. Бирн. Точно так же относились к королям провинций короли отдельных туатов, не имея обязательств перед верховным королем. Ф.Дж. Бирн утверждает, что в этих условиях не имеет смысла говорить о государственности. Напротив, он проецирует социальные отношения внутри рода на все королевство в целом [6. С. 40–43]. Очевидно, под клиентелой подразумевается некая форма зависимости, основанная на личном договоре и взаимной выгоде. Таким образом, создавалась пирамидальная система власти, основанной на личных связях между королями разных уровней. Поэтому на одном уровне отношения между королевствами зависели от конкретного момента и от правителя.

Любые внешние сношения туата были прерогативой короля [4. С. 28–29]. Договоры о вергельдах, арбитраж, выдача преступников также входили в обязанности короля и без него не действовали. Соответственно, король

был и гарантом исполнения этих договоров. Впрочем, Г. Мак-Ниокайлл отмечает, что для полного утверждения договор все-таки должен был быть формально провозглашен на оэнахе, народном собрании [4. С. 32]. Д. О'Коррайн же считает функции короля ограниченными, поскольку тот не издавал законов и не имел судебной власти; он не был, по словам Д. О'Коррайна, и земельным собственником, так как вся земля внутри туата принадлежала большесемейным общинам [3. С. 55]. В последнем тезисе он расходится с Г. Мак-Ниокайллом, полагающим, напротив, что земля делилась внутри королевского рода пропорционально близости родственных связей. Расхождение в трактовках власти короля между этими исследователями объяснимо, исходя из тех концепций туата, которых они придерживаются. Поскольку Д. О'Коррайн рассматривает туат как племенное королевство, основанное на большесемейной общине и близкое по строю к военной демократии, то его точка зрения об ограниченности власти короля закономерна. В то же время Г. Мак-Ниокайлл идентифицирует туат с аристократическим родом, что дает ему основания ставить в центр всей общественной жизни фигуру короля. И в том и в другом случае скудность источников позволяет выдвигать различные предположения.

Представляется, что для лучшего понимания социально-политической системы Ирландии уместна аналогия с аравийским Сабейским государством. А.Г. Лундин отмечает большое значение совета старейшин Сабы, поскольку изначально она представляла собой союз племен. Структура совета старейшин свидетельствует о социально-политической организации. Три племени имели в совете по два представителя, остальные же – по одному. А.Г. Лундин заключает, что именно эти племена находились в основе всего сабейского объединения и обладали статусом эпонимных. Будучи равноправными, эти племена делили между собой всю полноту власти во всех ее аспектах – военном, сакральном, хозяйственном [7. С. 55–58, 61]. Из этого можно сделать вывод о более или менее добровольном объединении этих трех племен, очевидно, по принципу швейцарской конфедерации.

Такая структура сближает Сабу с Ирландией, где также стояла проблема сосуществования племен в условиях развитой иерархии. Возможно, она решалась подобным образом, о чем говорит распространение института самоуправления. Кроме того, часты случаи участия в правлении представителей различных туатов. Ф.Дж. Бирн, понимая, что политическая система Ирландии кажется хаотичной и фрагментарной, утверждает, что на самом деле она является единым паттерном, включающим все туаты в тесное и структурированное взаимодействие [6. С. 40].

Следствием подобной племенной организации представляется система властных структур, в частности Сабы. Правитель союза в целом являлся и главой совета старейшин. Первоначально, вероятно, была обратная зависимость – глава совета старейшин становился правителем Сабы. Правитель принадлежал к какому-либо из главных племен (это предположение наиболее логично), но при этом не являлся его представителем в совете. Возможно, племена чередовались, выдвигая каждый раз нового правителя. По мнению А.Г. Лундина, Саба коренным образом отличалась от восточных монархий именно функциями

своего правителя; последний являлся, скорее, координатором, нежели повелителем [7. С. 67–70]. Подобную же роль играл верховный король Ирландии, будучи в большей степени сакральным символом, военным координатором, верховным арбитром, а не диктатором.

Социально-политическая иерархия ирландских туатов находит свое отражение в социально-политической структуре Йемена II–III вв. А.В. Коротаев [9] представляет ее как систему так называемых шабов – структурных элементов-объединений, в которой, так же, как и в Ирландии, выделяется три уровня. Шабы первого порядка – «аморфные культурные общности», не имеющие политического центра, но связанные общим названием и божеством, общим календарем, эпониматом и т.д., по определению А.В. Коротаева, племенные конфедерации. Несмотря на расплывчатость границ идентификации такого шаба ученый отмечает, что принадлежность к нему могла сказываться на поведении политических лидеров. Очевидно, их можно идентифицировать с ирландскими верховными королевствами. Шаб второго порядка, как его понимает А.В. Коротаев, – классическое вожество, чифдом в определении Л.С. Васильева [8. С. 31–32]. В Ирландии это пятина. Шаб-3, по А.В. Коротаеву, – самоуправляющаяся территориальная община, достаточно демократичная, поскольку в ней существовал институт народного собрания. Здесь имеется параллель с туатом. Интерес в данном контексте представляет шаб-2. Политическим центром такого шаба являлась аристократическая большесемейная община, правящий клан, члены которого считались кайями. Ирландские туаты и пятинны также возглавлялись аристократическим родом и проводили периодически народное собрание – оэнах.

В общину входило значительное число клиентов, из которых и состоял административный аппарат вожества [9. С. 225–226], что соответствует точке зрения Ф.Дж. Бирна на ирландское королевство. Тем не менее, по словам А.В. Коротаева, нет следов регулярного налогообложения, замененного доходами от собственного хозяйства кайлей, от хозяйств клиентов, арендной платой за землю, военной добычей и прочее [9. С. 228–229]. Это соответствует рамкам классического вожества, определяемым А.В. Коротаевым.

Царь мыслится А.В. Коротаевым стоящим над родоплеменной организацией и с момента воцарения уже не принадлежащим своему старому клану. Подтверждением данного тезиса А.В. Коротаев считает отсутствие упоминаний клановой принадлежности царей. Коронация означает, по его мнению, автоматический переход, перерождение царя в новом, сугубо царском клане, и таким образом тот фактически становился сыном предыдущего царя, что, безусловно, объясняет некоторую путаницу, с которой сталкиваются исследователи при определении генеалогии йеменских правителей [9. С. 230].

В этом смысле для Ирландии представляется более вероятной система сакрализованного чередования представителей различных племен, входящих в конфедерацию, на престоле, описанная А.Г. Лундиным.

А.В. Коротаев доказывает, что все царство в целом организовано по примеру аристократического клана, о чем говорит в отношении Ирландии и Ф.Дж. Бирн. Нет следов и царской администрации, случаи вмешательства

царя во внутренние дела кайлей крайне редки и ограничиваются арбитражем [9. С. 233–236]. В этом также наличествуют параллели с Ирландией.

Роды кайлей и соответствующие шабы, по словам Коротаева, настолько срстаются, что становится невозможной простая аннексия одного племени другим, следствием чего может являться система младших кланов, кайлей-клиентов, считает А.В. Коротаев [9. С. 245]. Подобная ситуация существовала, по словам Д. О'Коррайна, и в Ирландии. Несмотря на то что законы запрещали верховному королю аннексировать туаты, эта практика была достаточно распространена в VIII в. и позже. Однако из примеров, которые он приводит в доказательство этого тезиса, видно, что туаты действительно не аннексировались, но, как правило, изгонялись или переселялись с занимаемых ими земель, в крайнем случае просто уничтожались [3. С. 38]. Так или иначе, но речи об аннексии одного туата другим, то есть о включении его в состав победившего, вести нельзя. Судя по всему, туат все-таки не был жестко связан с территорией, поэтому его переселение не означало прекращение его существования.

Д. О'Коррайн и М.Дж. Энрайт предполагают, что развитие Ирландии с VII в. шло по пути расширения господства великих династий, поглощения ими более мелких, усиления вмешательства лордов в дела подчиненных королевств. Д. О'Коррайн представляет политическую жизнь средневековой Ирландии как череду феодальных усобиц, параллельную магистральному руслу общеевропейских процессов. При постоянном расширении династий, умножении их сегментов, для сохранения мыслимых размеров требуется периодическое изгнание или уничтожение наиболее слабых [3. С. 39–41]. Ирландские королевства трансформируются в более жесткую, нежели племенная, иерархию на базе династического территориального господства.

Эта тенденция аргументируется введением обряда коронации-помазания. Помазание должно было способствовать утверждению нового, имперского аспекта власти верховных королей [10. С. 51]. М.Дж. Энрайт противопоставляет языческий и христианский обряды. Обряд сакральной женитьбы короля на своей земле, устанавливая теоретически неразрывную связь между правителем, народом и землей, способствовал местной политической независимости. Легитимизируя статус местных королей, обряд мешал созданию единого территориального королевства. Наконец, такому грубому нарушению традиции, каким, по мнению М.Дж. Энрайта, было завоевание, требовалось этическое обоснование. Вариантом была только христианская традиция. Однако обряд помазания не входит в политическую практику до конца VIII в., М.Дж. Энрайт объясняет этот факт конкуренцией монастырей и вторжением викингов [10. С. 53–54, 76–77]. По всей видимости, тенденция становления территориального королевства, отмечаемая исследователями, проявляется с конца VIII – начала IX в. Заторможенная вторжениями викингов, эта тенденция сохраняется на протяжении последующих веков. К XI–XII вв. Ирландия превращается в основанное на силе феодальное территориальное королевство европейского типа [3. С. 31–32; 10. С. 50].

Сабейское царство, известное с VII в. до н.э., развивается в контексте политической традиции Месопотамии.

На рубеже эр оно переживает кризис, вызванный экспансией соседних варварских племен-химьяритов. В итоге, по мнению А.В. Коротаева, общественный строй Сабы претерпел значительную архаизацию, что доказывается тем, что социальный статус индивида в это период растворяется в социальном статусе его рода. Царская власть по сравнению с сабейским периодом ослабевает [11. С. 298–299, 301, 305]. Сакральный авторитет правителя в химьяритский период утрачивает свое значение по сравнению с военной и олигархической тенденциями в решении вопроса о престолонаследии. В Химьяритском царстве велико влияние родовых старейшин-кайлей. А.В. Коротаев считает, что сопротивление родовых старейшин не позволило Химьяру превратиться в государство, т.е. создать отчужденную от народа публичную власть [11. С. 307–308].

Поэтому А.В. Коротаев предлагает расценивать Сабу первых веков нашей эры как раннесредневековое варварское королевство, типологически схожее с европейскими, ссылаясь на выводы А.Я. Гуревича [11. С. 298, 300]. Таким образом, он допускает возможность универсальности не только вождества как принципа общественной организации, но и также варварского королевства. Впрочем, варварское королевство представляет собой позднюю ступень в развитии вождества.

А.В. Коротаев характеризует Сабу II–III вв. как эффективную политико-культурную систему, совмещавшую слабое государство в центре и сильные вождества на периферии. Ведущей функцией этой системы являлась аккумуляция военного потенциала и направление его за пределы Сабы. Это нельзя считать регрессом, заявляет исследователь, поскольку ослабление государства компенсировалось усилением альтернативных социально-политических институтов – родовых. Этот процесс, по мнению А.В. Коротаева, является удачной адаптацией к переходу политического центра из приморских долин в Нагорье, где географические условия были принципиально иными [11. С. 247–254]. Эти выводы свидетельствуют против сложившейся схемы линейной эволюции политических структур от общины через вождество к государству, что доказывает обоснованность точки зрения Н.Н. Крадина.

Среднесабейская общность в глазах А.В. Коротаева не является ни вождеством, ни государством, но представляет собой специфическую комбинацию черт того и другого, долженствующую рассматриваться в целом. Интегрированная территориальная общность, даже достаточно большая, сложная и развитая, не обязательно организовывается как государство. А.В. Коротаев говорит о том, что для описания подобных систем в науке не существует сейчас адекватного понятия, и предлагает, по его собственному выражению, неуклюжий термин «мультиполития». А.В. Коротаев распространяет его и на другие политические общности, не ограничиваясь одним Йеменом. В доказательство широты охвата своей концепции он ссылается на работу, посвященную Бенину [11. С. 256–260]. Эта точка зрения позволяет уточнить концепцию сложных вождеств.

С этой же точки зрения можно рассматривать и эволюцию ирландских королевств, поскольку в Ирландии V–VIII вв. отсутствует серьезная централизация при сохра-

нении организованной политической структуры. Ирландское верховное королевство осуществляет общий контроль, арбитраж и аккумуляцию усилий для отражения внешнего врага, на периферии же существуют сложные родовые вожества, самостоятельные во внутренних делах и состоящие из простых вожеств, также внутренне самостоятельных. В единую структуру их связывают только правители, ведущие внешние отношения. При этом система достаточно стабильна, что согласуется со взглядами А.В. Коротаева. В то же время в Ирландии с IX в. все же начинается процесс становления феодального государства. Химьяр в конце VI в. утрачивает политическое единство, а затем и независимость. В обоих случаях ведущими факторами политогенеза выступали

борьба кланов за верховную власть и внешняя военная опасность. Однако сыграла роль специфика этих факторов. В случае Химьяра сила этих факторов оказалась выше резервов прочности политической системы.

Итак, исследователи рассматривают социально-политические институты Ирландии и Аравии сходным образом. Эти точки зрения дополняют друг друга, устраняя неясности в социально-политической организации власти в этих обществах. В результате приведенного сравнения возникает больше возможностей решения проблемы власти в таком обществе. Место и время обуславливает специфику регионов, однако, несмотря на это, в их социально-политической организации наличествуют общие черты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lindsay J.* Our Celtic Heritage. L., 1962.
2. *Рус А. и Б.* Наследие кельтов. Древние традиции в Ирландии и Уэльсе. М., 1999.
3. *O'Corrain D.* Ireland before the Normans. Dublin, 1972.
4. *MacNiocaill G.* Ireland before the Vikings. Dublin, 1972.
5. *Шкунаев С.В.* Община и общество западных кельтов. М., 1980.
6. *Byrne F.J.* Irish Kings and High-Kings. L., 1973.
7. *Лундин А.Г.* К возникновению государственной организации в Южной Аравии // Палестинский сборник. 1967. Вып. 17 (80).
8. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983.
9. *Коротаев А.В.* От государства к вождеству? От вождества к племени? // Ранние формы социальной организации. М., 2000.
10. *Enright M.J.* Iona, Tara and Soissons. Berlin; N.-Y., 1985.
11. *Коротаев Л.В.* Южная Аравия: X в. до н.э. – IV в. н.э. // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993.

Статья представлена кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 25 ноября 2003 г.